

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В IX выпуске «Nabokov Online Journal» напечатана статья проф. А. Долинина «О пагубах дилетантизма», в которой рассматривается моя публикация рукописи продолжения «Дара» (В. Набоков. Дар. II часть // Звезда. 2015. № 4. С. 157–175). Взяв резко-осуждающий тон, Долинин указывает, как мне следовало прочитать то или иное место, как составить примечание и т.д. и кончает свою статью патетической фразой о «неловком дилетанте», который «калечит рукопись» Набокова.

Читая статью Долинина, действительно становится неловко. От авторитетного ученого все же ждешь известного уровня ведения полемики, бесспорно-точных доказательств и доводов, а не эмоциональных эскапад и высказываний *ad personam*. Удивляет, например, такое легковесное утверждение Долинина по поводу моего замечания, что Набоков сочинял вторую часть «Дара» сто лет спустя после того, как Гоголь сочинял второй том «Мертвых душ»: «Вообще-то Гоголь в 1841 году занимался подготовкой к печати первого тома ‘Мертвых душ’, а не сочинением второго». Между тем, первый том «Мертвых душ» был дописан к концу 1840 г. и вскоре Гоголь приступил к работе над вторым. П. В. Анненков, живший летом 1841 г. в Риме и переписывавший главы первого тома под диктовку автора, свидетельствует, что именно в это время Гоголем был «предпринят» второй том. Предложение Долинина разделить текст концовки «Русалки» на две части, убрав одну в примечание, дабы снять существующее в черновике противоречие с гибелью/бегством князя, иначе как нонсенсом нельзя назвать: оба варианта равноправны, поскольку ни один из них не вычеркнут. Обращаясь к проблеме датировки рукописи, Долинин пишет, что Набоков «никогда, ни словом, не обмолвится о том, что собирался тогда [осенью 1939 г.] писать второй том ‘Дара’, хотя еще в 1941 г. говорил об этом Алданову». О чем? Набоков *не* говорил Алданову в 1941 г., что собирался

осенью 1939 г. писать второй том «Дара» и не мог этого сказать. Известно лишь, что 14 апреля 1941 г. Алданов написал Набокову, что ждет от него «новый роман – продолжение ‘Дара’», который, как я показал в своей работе, Набоков сочинял как раз весной 1941 г.

Поправки Долинина к моему прочтению трудных мест рукописи, высказанные в том же безапелляционном тоне, также порой вызывают недоумение. К примеру, он отвергает мое чтение «под заветный звук длинного звонка» и предлагает: «проститутка... поднимается по крутой лестнице под ‘завитый звук’ длинного звонка (то есть лестница винтовая!)». Однако в рукописи это слово написано через «ять» – «завѣт<н>ый», т.е. тайный, известный немногим (служащий предупреждает таким внутренним звонком горничную, принимающую плату, что пришла пара), и никакой винтовой лестницы у Набокова нет. В тех же нескольких случаях, когда Долинину удается указать на мою ошибку, он представляет такое место в рукописи очень простым и понятным, хотя в действительности это совсем не так.

К сожалению, дельных замечаний в статье Долинина, опровержению выводов и пунктов которой мне пришлось посвятить отдельную работу («Публикация второй части “Дара” Набокова и ее критика» // Новый Журнал. 2015. № 281. С. 146–160 <http://www.newreviewinc.com/?p=2590>), мало, зато скудный арсенал доводов щедро пополняется ходкими демагогическими средствами принижения оппонента – с целью низвести значение самой его работы: «не может удержаться от злорадства», «умудрился», «желание усть», «фанаберия» и т.п. И неясно, чем объясняется противоречие в выводе о якобы покалеченной публикатором рукописи с начальной посылкой Долинина о том, что «Собственно погрешностей чтения у него не слишком много».

Но огорчительнее всего даже не многочисленные промахи Долинина в прочтении «неотделанных черновиков», не его диковинная трактовка ответа Ивонн, не его нежелание – впрочем, понятное – «вступать со мной в скучную научную полемику» относительно датировки рукописи, а очередная сомнительная попытка Долинина развенчать самого Набокова, который, как он пишет в конце своей статьи, якобы «фальсифицировал историю своих последних лет в русской литературе»!

Досадно, что публикация и исследование захватывающего материала продолжения одного из самых значительных романов XX века сделались предметом столь грубой, заносчивой критики.

*Андрей Бабилов,
Москва*